

НАУЧНАЯ ДИСКУССИЯ. ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ, ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

Научная дискуссия / Scientific discussion

УДК 303.01

<https://doi.org/10.34130/2233-1277-2023-3-152>

**Актуальность полемики Ю. Н. Солонина и М. С. Кагана.
Фундаментальные основания российской культурологии
(посвящается памяти проф. Ю. Н. Солонина, к 80-летию со
дня рождения)**

Материалы круглого стола в рамках третьего Санкт-Петербургского
международного культурологического симпозиума
(20 ноября 2021 года)

Часть 4

Ведущий круглого стола: **Забулионите Аудра Кристина Иосифовна**,
д-р филос. наук, доцент факультета свободных искусств и наук, Санкт-
Петербургский государственный университет; профессор института

© Забулионите А. К. И., Ардашкин И. Б., Бадмаев В. Н., Балакина Е. И., Барнашова Е. В., Винокурова У. А., Жерносенко И. А., Круглова Л. К., Коробейникова Л. А., Липский Б. И., Мамыев Д. И., Мосолова Л. М., Попова И. Ф., Рындина О. М., Тишкина А. Г., 2023

музыки, театра и хореографии, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия).

Участники:

Ардашкин Игорь Борисович, д-р филос. наук, профессор, Национальный исследовательский Томский политехнический университет (Томск, Россия);

Бадмаев Валерий Николаевич, д-р филос. наук, профессор, Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова (Элиста, Россия);

Балакина Елена Ивановна, канд. культурологии, доцент кафедры культурологии и дизайна, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия);

Барнашова Елена Вячеславовна, канд. филол. наук, доцент кафедры культурологии и музеологии, Национальный исследовательский Томский государственный университет (Томск, Россия);

Винокурова Ульяна Алексеевна, д-р социол. наук, канд. псих. наук, профессор, Арктический государственный университет культуры и искусств (Якутск, Россия);

Жерносенко Ирина Александровна, д-р филос. наук, канд. культурологии, доцент, Алтайский государственный институт культуры (Барнаул, Россия);

Круглова Лариса Константиновна, д-р филос. наук, профессор, профессор кафедры философии, психологии и культурологии, Государственный университет морского и речного флота им. адмирала С. О. Макарова (Санкт-Петербург, Россия);

Коробейникова Лариса Александровна, д-р филос. наук, профессор кафедры культурологии и музеологии, Национальный исследовательский Томский государственный университет (Томск, Россия);

Липский Борис Иванович, д-р филос. наук, профессор, независимый исследователь (Санкт-Петербург, Россия);

Мамыев Данил Иванович, Этнокультурный научно-образовательный центр «АруСвати» (Барнаул, Россия);

Мосолова Любовь Михайловна, д-р искусствоведения, почетный профессор, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, заслуженный работник высшей школы РФ (Санкт-Петербург, Россия);

Попова Ирина Федоровна, член-корр. РАН, д-р ист. наук, профессор, Институт восточных рукописей РАН (Санкт-Петербург, Россия);

Рындина Ольга Михайловна, д-р ист. наук, профессор, Национальный исследовательский Томский государственный университет (Томск, Россия);

Тишкина Анна Григорьевна, канд. филол. наук, доцент, независимый исследователь (Санкт-Петербург, Россия).

Аннотация. *В заключительной части дискуссии обсуждаются перспективы развития двух классических подходов — системного и целостного — в исследованиях культур и цивилизаций в ситуации современного глобального мира. Отмечаются возможности соотношения и дополнительности двух научных программ с перспективными зарубежными исследованиями глобальной культуры, ибо в реалиях современного мира кардинально меняются процессы культурогенеза: формируется третья реальность — мир виртуальных феноменов, выходящий за пределы двух традиционных миров — природы и культуры. Для исследования третьей реальности требуется теоретически выразить взаимосвязь глобального и локального в современных исследованиях культур. На этой проблематике и сосредоточены ряд концептов в западных исследованиях культур (cultural studies).*

В ходе обсуждения перспектив развития дисциплинарности культурологии была отмечена перспективность проблематики, обсуждаемой в зарубежных теориях терминологического планирования, особенно в коммуникативной теории терминологии. Теоретическое моделирование профессиональной коммуникации является актуальной областью науки о культуре, но весьма мало исследованной. В то же время она может оказаться весьма перспективной, как формируя общее интеллектуальное пространство коммуникации разных культурологических дискурсов (индологии, китаеведения, арабистики, африканистики, а также культурологических дискурсов этнокультур) внутри российской науки о культуре, так и расширяя международные связи российской науки о культуре, особенно в случае межцивилизационной профессиональной коммуникации.

Ключевые слова: *дисциплинарность науки о культуре, механицизм, органицизм, системность, целостность, уникальность культуры, философия культуры, региональные онтологии, глобальное и локальное, теории терминологического планирования*

Для цитирования: Актуальность полемики Ю. Н. Солонина и М. С. Кагана. Фундаментальные основания российской культурологии (посвящается памяти проф. Ю. Н. Солонина, к 80-летию со дня рождения).

Материалы круглого стола в рамках третьего Санкт-Петербургского международного культурологического симпозиума (20 ноября 2021 года). Ч. 4 / А. К. И. Забулионите (науч. ред.), И. Б. Ардашкин, В. Н. Бадмаев и др. // Человек. Культура. Образование. 2023. № 3. С. 152–180. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2023-3-152>

**The Relevance of the Polemics of Yu. N. Solonin and M. S. Kagan.
Fundamentals of Russian Culturology
(Dedicated to the Memory of Prof. Yu. N. Solonin, on the Occasion
of his 80th Birthday)**

The Roundtable Discussion Proceedings in the Framework of the Third
Saint Petersburg International Culture-Studies Symposium
(November 20, 2021)

Part 4

Chairperson of the Roundtable Discussion: **Audra-Kristina I. Zabulionite**, PhD, DSc Associate Professor of Faculty of Liberal Arts and Sciences Saint-Petersburg State University Professor of Department of the Performing Arts, Institute of Music, Theatre and Choreography Herzen State Pedagogical University of Russia (Saint-Petersburg, Russia)

Participants: **Igor B. Ardashkin**, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, National Research Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russia); **Valeriy N. Badmaev**, Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Philosophy and Cultural Studies of the Kalmyk State University (Elista, Russia); **Elena I. Balakina**, Candidate of Culturology, Associate Professor of the Department of Cultural Studies and Design, Altai State University (Barnaul, Russia); **Elena V. Barnashova**, PhD in Philology, Assistant Professor, Department of Culturology and Museum Studies, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russia); **Uliana A. Vinokurova**, Doctor of Sociological Sciences, Candidate of Psychological Sciences, Professor, Arctic State Institute of Culture and Arts (Yakutsk, Russia); **Irina A. Zhernosenko**, Doctor of Philosophical Sciences, Candidate of Culture Studies, Associate Professor, Altai State Institute of Culture (Barnaul, Russia); **Larisa K. Kruglova**, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Full Professor at the Department of philosophy, psychology and cultural studies, Admiral Makarov state University of Maritime and river fleet

(St. Petersburg, Russia); **Larisa A. Korobeynikova**, doctor of philosophical sciences, professor, Department of Culturology and Museum Studies, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russia); **Boris I. Lipsky**, Doctor of Philosophy, Professor, Independent Research Worker (St. Petersburg, Russia); **Danil I. Mamyev**, Ethno-Cultural Research and Educational Centre “AruSvati” (Barnaul, Russia); **Lubov M. Mosolova**, Doctor of Art History, Professor of the Department of Theory and History of Culture of Herzen State Pedagogical University of Russia, Honorary Professor of the Herzen State Pedagogical University of Russia, Honored Worker of Higher Education of the Russian Federation (St. Petersburg, Russia); **Irina F. Popova**, Corresponding Member, Russian Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences, Professor, Institute of Oriental Manuscripts (St. Petersburg, Russia); **Olga M. Ryndina**, Doctor of Historical Sciences, Professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russia); **Anna G. Tishkina**, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Independent Research Worker (St. Petersburg, Russia).

Abstract. *The final part of the debate discusses the prospects for the development of two classical approaches — systemic and holistic — in the research of cultures and civilizations in the current global world. The possibilities of correlation and complementarity of the two scientific programmes with promising foreign studies of global culture are noted, because the realities of the modern world radically change the processes of cultural genesis: a third reality — a world of virtual phenomena beyond the two traditional worlds of nature and culture — is being formed.*

The study of the third reality requires a theoretical expression of the relationship between the global and the local in contemporary cultural studies. This is the focus of a number of concepts in Western cultural studies. During the discussion on the perspectives for the development of cultural studies disciplinarity, the perspective of issues discussed in foreign theories of terminological planning, especially The Communicative Theory of Terminology, was noted. Theoretical modelling of professional communication is a relevant area of cultural science, but very little researched. At the same time, it can prove very promising, both forming a common intellectual space of communication between different cultural discourses (Indology, Chinese studies, Arabic studies, African studies, as well as cultural discourses of ethnic cultures) within Russian cultural studies, and expanding international links of Russian cultural studies, especially in the case of intercivilizational professional communication.

Keywords: *disciplinarity of culturology, mechanicism, organicism, consistency, integrity, uniqueness of culture, philosophy of culture, regional ontologies, global and local, theories of terminological planning*

For citation: Relevance of Yu. N. Solonin and M. S. Kagan Polemics. Fundamentals of Russian Culturology (dedicated to the 80th Anniversary of Professor Yu. N. Solonin). The Roundtable Discussion Proceedings in the Framework of the Third Saint Petersburg International Culture-Studies Symposium (November 20, 2021). Part 4. A. K. I. Zabulionite (academic ed.), I. B. Ardashkin, V. N. Badmaev and others. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie* = Human. Culture. Education. 2023; 3: 152–180. (In Russ.) <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2023-3-152>

Л. А. Коробейникова: Российская культурология действительно является самостоятельной наукой, несмотря на то, что, как было отмечено, в нашей дискуссии звучат иностранные имена. Я присоединяюсь к мысли, высказанной на нашем сегодняшнем обсуждении А. Г. Тишкиной [1, с. 176], что было бы опасной тенденцией в развитии фундаментальной проблематики, дисциплинарности и методологических стратегий российской культурологии не видеть ее интеллектуальной связи с зарубежной интеллектуальной традицией. Российская философская и методологическая традиция складывалась в неразрывной связи с западной интеллектуальной традицией, имея общие истоки философской мысли в древней Греции. Но это не значит, что я не вижу разных подходов к исследованиям культур в российской культурологии и в современных западных культурных исследованиях (cultural studies), о чем я уже высказывалась [2, с. 160–161].

Если говорить о дисциплинарности российской культурологии, о понятийном аппарате, которым пользуются исследователи, то, на мой взгляд, оба методологических подхода, и системный, который применялся М. С. Каганом в процессе становления отечественной культурологии, и целостный, отстаиваемый Ю. Н. Солониным как метод изучения уникальности культур, были актуальны в процессе становления культурологии и такими остаются ныне. Оба выделенных методологических подхода сосуществуют в процессе эволюции культурологического знания, но в латентной форме, с доминированием на каждом определенном этапе развития культурологии того или иного подхода (системного или целостного, эссенциалистского). На первом этапе

развития культурологии системный подход был очень плодотворен: происходило накопление эмпирических знаний о культуре. Конечно, системный подход как первая парадигма культурологии, сложившаяся в рационалистической традиции философского знания, достаточно структурирован и логически выверен. В интерпретации М. С. Кагана первая парадигма российской культурологии обращается к изучению культуры на разных теоретических уровнях: культуроведения как комплекса частных наук о культуре; культурологии в собственном смысле слова как науки о формировании и развитии самого феномена культуры; философии культуры как высшего типа знания о культуре. Культуроведение как комплекс дисциплин, изучающих культуру (культурная, социальная антропология, история культуры, филология, социология культуры, психология и т. п.), исследует эмпирический материал развития культуры в качестве фундамента культурологического знания: конкретные артефакты, ценности, формы их связи, опредмеченные результаты культурной деятельности в их динамике. Культурология в собственном смысле слова включает в свое поле исследований анализ и интерпретации разных культурологических концепций, начиная с момента формирования научного знания о культуре в рамках философии истории Нового времени и Просвещения и кончая анализом новых и новейших культурологических теорий. Она также изучает онтологию и морфологию культуры. Философия культуры как «центр культурологического космоса», в определении В. Виндельбанда, дает квинтэссенцию знания о сущности культуры. На этом уровне знания рационалистическая парадигма культурологии понятийно строит целостность культуры как систему (системная целостность).

Иное представление о целостности культуры, ориентированное на научную парадигму познания культуры как уникальной целостности, результатом исследований которой стало формирование двух научных программ: культурознания и культурологии, сложилось в немецкой традиции в XIX веке (М. фон Лаверн-Пегильен). На эвристический потенциал этой научной программы, а также на традицию органицизма (И. Гердер) обратил внимание Ю. Н. Солонин. Эта, вторая, парадигма культурологии, понятийный аппарат которой имеет установку выразить уникальность культур, как мы сегодня все отмечаем, еще требует развития, но, безусловно, является интересной и пер-

спективной. Сейчас, в условиях перехода от монокультуры к культурному разнообразию, назрела необходимость философского осмысления происходящих культурных изменений. Поэтому на первый план выходит исследование уникальности разнообразных культур, направление методологического поиска которого задаст эссенциалистский подход Ю. Н. Солонина. Как я уже говорила, он не отменяет системного подхода М. С. Кагана, оба методологических подхода сосуществуют в культурологическом знании, но доминирует на определенном этапе развития культурологии один подход.

То есть в российской культурологии есть две парадигмы, принципиально по-разному строящие концепт целостности культуры — самый базовый концепт культурологии, выражающий ее предметную область. Отсюда проистекают разные методологические традиции и способы познания. Эти парадигмы дополнительные, но их понятия нельзя смешивать.

К эвристическим возможностям этих двух научных программ, развиваемых сегодня в российской культурологии и обсуждаемых на круглом столе, я подойду в контексте той проблематики, которой я занимаюсь, то есть обращусь к ним в контексте исследований глобальной культуры. Такой выбор темы моего выступления не случаен: парадоксально, но факт остается фактом — проблема культурного разнообразия наиболее изучена в политических науках, включая и теорию глобализации; в культурологии же эта тема до сих пор остается маргинальной.

Реалии современного мира — информатизация, цифровизация, сетевые структуры, гибридная культура, виртуальная культура, дополненная реальность — кардинально меняют процесс развития культуры, формируя третью реальность — мир виртуальных феноменов, созданный на основе развития высоких технологий и выходящий за пределы двух традиционных миров — природы и культуры. Подобного рода трансформация современной культуры требует теоретического осмысления, что невозможно без точки отсчета, которой является целостность и уникальность культуры. Это обуславливает интерес, обращение к целостному подходу, позволяющему уловить уникальность и разнообразие современной культуры. На что и ориентирована вторая парадигма отечественной культурологии.

Исследование уникальности разных культур (и западных, и восточных) особенно актуально в начале XXI века, когда процессы, включающие жизнь человека в тесные глобальные культурные, политические, экономические, социальные связи, взаимозависимости, переплетения и потоки, вызывают смешение культурных и социальных форм, формируя гибридный мир. Анализ современных культурных реалий гибридного мира требует не системного, а целостного подхода, позволяющего уловить невидимую ауру культурного разнообразия мира. Гибридный мир формируется не только в сфере политической культуры, хотя эта сфера наиболее изучена в современных исследованиях глобальной культуры. В таких науках, как международные отношения, геополитика, термины «гибрид», «гибридизация», «гибридность» используются для характеристики постмодернистских политических структур. Некоторые исследователи отвергают культурную и социальную гомогенизацию. Гомогенная, или евроцентристская, глобализация потерпела крах и в реальной жизни, и в научных теориях. Теории гибридной глобализации, согласно которым предметом изучения является гибридный мир, отражающий культурное разнообразие и уникальность разных культур, исследуют смешение культурных и социальных форм, а также смешение и интенсификацию взаимосвязей глобального и локального, например глокализация (в терминологии Р. Робертсона). Политические философы рассматривают смешение культурных и социальных феноменов в процессе глобализации в терминах постфилософии: транснационализм часто ассоциируется с гибридизацией политических структур. В концепции В. Вертова транснационализм часто ассоциируется с текучестью конструированных стилей, социальных институтов и повседневной практики, что описывается в терминах синкретизма, креолизации, бриколажа, культурной трансляции, гибридности. Такое смешение политологического и культурологического дискурса, кажущееся на первый взгляд расплывчатым и проблемно-фрагментированным, заполняет вакуум современных культурологических исследований, в которых, как я уже говорила, изучение культурного разнообразия остается маргинальной темой. В рамках концепции глобализации как гибридизации Ж. Питерса процесс формирования глобальной культуры описывается как рост многообразия возможных социальных и культурных структур: транснациональных,

интернациональных, макрорегиональных, локальных. Другое проявление гибридизации связано с понятием смешанного времени: пре-модернизм, модернизм, постмодернизм. В границах этой концепции гибридизация интерпретируется как интеркультурализм. Таким образом, можно заметить, что современные культурные реалии не укладываются в традиционные схемы системного анализа культуры.

Гибридный мир очень сложно поддается логическому структурированию, скажем, в рамках жесткого системного подхода. Мне представляется, что исследование современных культурных реалий гибридного мира требует иного, эссенциалистского подхода, позволяющего уловить, как я уже говорила, невидимую ауру культурного разнообразия мира. Возможно, что традиция органицизма, актуализированная Ю. Н. Солониным, в силу ее эссенциалистского умонастроения, может открыть продуктивную исследовательскую перспективу для культурологических исследований гибридного мира, которые разработаны несопоставимо хуже, чем политологические, геополитические или международные.

И. Б. Ардашкин. Я продолжу тему современных зарубежных концепций, к которой обратилась Л. А. Коробейникова. Мы сегодня ведем речь о двух классических научных программах и о том, как выразить уникальность культур. При этом, мне кажется, эту проблематику свели к разговору об этнокультуре. С моей точки зрения, удачнее было бы использовать более широкие образы культур.

В обсуждении дисциплинарности культурологии я обращаюсь к этому вопросу сквозь призму семиотики. Оттолкнувшись в своих рассуждениях от хорошо известной семиотической концепции Умберто Эко, который говорил, что семиотика — это наука о коммуникации. Мы сегодня много говорим об этнокультурах. Этническая культура также представляет собой один из способов коммуникации. Особенно хорошо это заметно посредством изучения языка. Любой этнос имеет свой язык, и чаще всего язык является одним из фундаментальных параметров. Как правило, если язык утрачивается, этнос растворяется. Как это происходит? Л. М. Мосолова обратила внимание на миграции этносов [3, с. 173–174]. В этой связи, мне представляется, уместно задаться вопросом: что происходит с языками в тот момент, когда этносы начинают контактировать друг с другом? В процессе этих контак-

тов возникают попытки найти взаимопонимание, а для этого требуется язык, который исполняет функции установления взаимопонимания. Сначала это может быть какой-то профессиональный язык. Например, у купцов, встречающихся и контактирующих с каким-то этносом. Или другой пример, африканские, южноамериканские и европейские этносы находятся вместе на одной территории, как это происходило в Латинской Америке. Возникают так называемые контактные языки — пиджины, креольские языки и другие, которые исполняют наиболее значимые функции коммуникации. Смысл моих примеров заключается в следующем: когда мы ставим вопрос о целостности и уникальности культур, то с точки зрения семиотики, изучающей процессы коммуникации, в первую очередь надо уметь выражать эту целостность и уникальность через призму *значения*, потому что семиотика любую культуру рассматривает как знаковую систему, т. е. любая культура несет свое *значение*. Когда, допустим, коллеги из Якутии или Алтая говорят о том, что у них есть связь с землей, я не вполне согласен, что это именно этническая особенность. Поверьте, я тоже чувствую свою связь с этой землей: это для меня Родина, и это значение тоже передается соответственно.

Коммуникация возникает в самых разных сферах межэтнического, межличностного, межцивилизационного общения, в том числе и в сфере профессиональной коммуникации. В изучении вопросов коммуникации я хотел бы обратить внимание на проблему, связанную с развитием терминологии, с развитием профессиональной коммуникации. То есть я буду говорить о достаточно новой области знания, претендующей на статус науки «Терминология». Что происходит в процессе профессиональной коммуникации, почему возникает терминология? Она возникает по той простой причине, что нужно как-то более-менее однозначно понимать друг друга. Эта новая наука — терминология — появляется в первой половине XX века, причем параллельно в трех географических регионах: Австрии, Советском Союзе и Северной Европе (Скандинавии). Смысл ее появления и все возрастающего значения в последние десятилетия в том, что в современном глубоко интегрированном мире профессиональная коммуникация требуется во многих областях: 1) в области технологий — чтобы пользовались промышленной продукцией и технологиями, необходимо выработать единые общие понятия, особенно связанные с ин-

женерным взаимодействием, разработкой технологий (без чего невозможно распространение технологий); 2) профессиональная терминология требуется в международных организациях (Лига Наций, ООН), где возникает необходимость построить профессиональную коммуникацию в различных сферах между различными культурами, этносами, нациями; 3) в области юридической терминологии (предпринимательство, гражданское право) и в других сферах современного глобального мира.

Какие решения сегодня предлагает эта новая наука и чем она может быть интересна для культурологии? Постараюсь продемонстрировать это на примере зарубежных теорий терминологического планирования, которые занимаются вопросами понимания того, что такое термин, терминология, терминологическая работа, терминологическое планирование, а также вопросами управления терминологической деятельности. Один из важнейших аспектов теорий терминологического планирования связан с проблемой установления значения термина, его взаимосвязи с концептом (понятием). На протяжении почти шестидесяти лет (30-е — нач. 90-х гг. XX века) в терминологии доминирует так называемая *Общая теория терминологии* (General Theory of Terminology — GTT) О. Вюстера, которая, если исходить из языка сегодняшнего круглого стола, ориентирована на системный подход. Это хорошо просматривается в способах установления значения термина. Главная задача терминологического планирования — стандартизация терминологии в международном формате. О. Вюстер предложил установить такое правило или способ стандартизации термина: один термин — один концепт [4]. Например, есть понятие «операция», а в зависимости от сферы применения оно обретает свое специфическое значение (финансовая операция, хирургическая операция и т. д.). Это означает, что в любой профессиональной сфере знаний один термин имеет одно значение, отражающее особенности этой специальной области знаний. Фактически такая схема реализуется тем, что в словаре за термином закрепляется значение последнего в виде определения, которое носит статический характер и не учитывает нюансы контекстов его применения в профессиональной коммуникации. Стандартизация сводилась к тому, что разрабатывались международные и профессиональные словари, справочники, которые имели необходимость быть записанными на разных языках, но так,

чтобы эти значения коррелировались друг с другом. Как это ни странно, первая научная концепция терминологии О. Вюстера была наукой не о терминах, не о специальных словах, имеющих профессиональное значение, а о концептах.

Если обратиться к проблематике культурологии с точки зрения О. Вюстера, то решение, предложенное им в общей теории терминологии, заключается в том, чтобы подвести под общий знаменатель языки разных культур и цивилизаций, то есть нужно искать те значения, которые можно было бы одинаково интерпретировать в разных культурных средах. Настоящая дискуссия, кстати, хорошо продемонстрировала идею О. Вюстера. Сегодня много раз речь заходила о концептах, сложившихся в системном подходе и в научной программе органицизма. Понятие «культура» есть концепт, и он по-разному понимается в альтернативных научных программах.

Долгое время концепция О. Вюстера преобладала в терминологической практике, поскольку нужно было провести огромную эмпирическую работу, но было очевидно, что такого рода подход установления значения эффективный, но не гибкий, поскольку очень много и синонимии, и других факторов, влияющих на значение. Поэтому в 90-е годы прошлого века *Общая теория терминологии* (ГТТ) О. Вюстера подвергалась серьезной критике, в результате чего появились новые теории терминологического планирования: *коммуникативная теория терминологии* (Communication Theory of Terminology — СТТ), *социокогнитивная теория терминологии* (Sociocognitive Theory of Terminology — СТТ), *теория терминологии, основанная на фреймах* (Frame-based Terminology — ФБТ). Указанные теории фактически формируются на основе, если использовать язык круглого стола, парадигмы органицизма, который выступил против универсалий, как уже отмечалось в сегодняшнем нашем обсуждении [1, с. 159–160], поскольку ключевыми в их рассмотрении становятся вопросы установления значения как незавершенного процесса, учитывающего не только аспект знания, но и аспекты коммуникации и языка.

Приведу пример, обращаясь к коммуникативной теории терминологии, в рамках которой появляется весьма интересная концепция — так называемая концепция *теории дверей* (Theory of the Doors), автор которой испанская исследовательница М. Т. Кабре. С позиций *коммуникативной теории терминологии* М. Т. Кабре критикует под-

ход О. Вюстера, обращая внимание на невозможность международной стандартизации терминологии в качестве задачи терминологической работы, поскольку значение термина носит открытый характер и это значение не может быть установлено предварительно, как это полагается в *общей теории терминологии* (ГТТ) О. Вюстера. Ключевым понятием *коммуникативной теории терминологии* (СТТ) становится понятие «терминологическая единица». В *теории дверей* М. Т. Кабре пытается продемонстрировать, что при работе с терминами невозможно привязывать один термин к одному концепту. Она полагает, что понятие «терминологическая единица» состоит из трех составляющих: когнитивная единица (концепт, знание), лингвистическая единица (термин), коммуникативная единица (ситуация общения). В данной ситуации как бы три основных фактора, с ее точки зрения, которые влияют на значение термина. К тому же она говорит о том, что это значение является неокончательным. Поскольку каждая единица представляет собой отдельный канал, через который может произойти изменение значения термина, и этот процесс носит открытый, т. е. незавершенный характер, то эта теория получает название *теории дверей*. Любая из этих дверей будет приносить какое-то влияние на это значение [5].

Мне представляется, что коммуникативный подход более близкий парадигме органицизма. И в перспективе можно подумать о дополнительности этих подходов в области изучения коммуникативных процессов в междивизиационной коммуникации. То есть коммуникативные подходы могут хорошо работать и в области терминологии культурологии, в том числе и в области проблем, обсуждаемых сегодня. Одно дело, когда мы говорим о диалоге, и другое дело, когда мы говорим о том, как этот диалог строить. У нас часто получается, что мы говорим о *локальной культуре* как о нечто состоявшемся, как и *глобальной культуре*, а ведь они достаточно динамичные. Следует отметить и еще один фактор: когда мы начинаем что-то изучать, мы изучаем уже не совсем тот феномен, который был сначала, ибо самим фактом своего изучения мы уже влияем на этот феномен. Это очень хорошо коррелирует в том числе и с идеей изучения культур. Например, мы говорим о том, что нужно преодолеть европоцентризм, но мы почему-то забываем сказать, что именно европейцы первыми поставили проблему преодоления европоцентризма, что как раз и началось

с органицистов (И. Г. Гердера) на рубеже XVIII–XIX вв. и немецких романтиков в первые десятилетия XIX века. Именно европейцы открыли нам китайскую, индийскую, африканскую и другие культуры. Это, конечно, не отменяет негативного контекста (колонизации), но не следует забывать, что мы говорим об этом категориями европейскими, следовательно, мы не можем охватить некоторые смыслы, которые в этих культурах имеют место быть. Поэтому только в диалоге, только в коммуникации возможно подобного рода взаимообогащение.

В этом плане мне хотелось бы высказать еще одно суждение. Когда речь идет о том, что в органицизме целостность достигается посредством категоризации (или через введение категорий), мне кажется, в таком видении присутствует некое заблуждение, потому что уникальность культуры, как и индивидуальность любого человека, мы можем фиксировать непосредственно, например, когда мы видим. Неслучайно, когда кто-то из нас пытается эту уникальность категориально выразить, мы используем понятие *этом*, то есть такое слово, которое имеет место только в ситуации, и больше никакого другого значения у этого слова нет. Когда мы в конкретной ситуации говорим *этом*, мы понимаем, о ком или о чем идет речь, но если абстрагируемся, то утрачиваем значение конкретного контекста. И в этом отношении, если мы говорим о научном подходе, то от нас требуется достаточно серьезная эмпирическая проработка и контекст коммуникации, потому что только через такого рода методологию (это фактически этнографическая методология) есть шанс развить эти идеи.

А. К. И. Забулионите. Игорь Борисович, я хотела бы отреагировать двумя соображениями. Первое: Вы говорите, что в первую очередь надо выражать целостность и уникальность через призму *значения*. Можно и так, но до этого *значение* уже должно быть, а семиотика не задается вопросами: откуда рождаются смыслы, в каком измерении и как формируются те *значения*, которые она собирается выражать. Когда я говорю о региональных онтологиях, меня интересует именно это измерение — как устроена метафизика культуры, ее уникальная картина мира. То есть речь идет не о науке, не о научном, но о философском подходе. Причем с точки зрения органицизма — гетеанской линии — уникальность невозможно выразить универсалиями. Поэтому я и предлагаю обратиться к идее региональных онтологий

Э. Гуссерля. Региональная онтология конкретной культуры должна быть выражена эйдетическими понятиями этой же культуры. А эйдетические понятия не категории.

Второе, что я хотела бы отметить: Вы говорите, что надо опираться на эмпирический опыт, а уникальность выражать «понятием *этот*». Но наука не может работать с указанием *этот*, да и к эмпирическому опыту вот просто так прямолинейно не подойти. Если говорить об онтологии культуры, то не из эмпирического опыта возникает картина мира, а наоборот, события и факты свои смыслы обретают исходя из мировидения, из уникальной картины мира. Эту уникальную целостность и намеревается постичь и выразить региональная онтология, причем не в категориях и не в универсалиях, а в эйдетических понятиях конкретной уникальной культуры. Поэтому в концепциях, сложившихся в гетеанской линии, речь и идет об интеллектуальной интуиции, герменевтических техниках познания, выражаемых разными терминами: «вживание», «погружение в изучаемую культуру», «схватывание» и другими. Если говорить уже не о метафизике, а о построении научного концепта в культурологии, то и здесь с опытом не так просто — научный концепт определяется научной программой (в которой самые фундаментальные понятия уже определены исходя из ее ориентации на ту или иную философскую традицию). Вы же знаете, что непосредственного опыта в науке нет, факт в науке уже является теоретически нагруженным. Чтобы подчеркнуть это, теоретики познания употребляют понятие *фактуальность*.

И. Б. Ардашкин. Я согласен, действительно, любой факт — интерпретация, и мы его уже задаем определенными особенностями, но в данной ситуации, чтобы задавать тогда какие-то универсальные значения, которые мы характеризуем как категории, нужно исходить из того смысла, который они должны нести. Соответственно, мы их будем задавать из ситуации той культуры, в которой мы находимся, и лишь только в процессе контакта мы можем приходиться к каким-то общим значениям, с помощью которых эти категории можем формировать. Поэтому, с моей точки зрения, важна эмпирическая составляющая.

Это отчетливо демонстрирует *теория терминологии, основанная на фреймах* (Frame-based Terminology — FBT) П. Фабер [6]. Фрейм, со-

гласно данной теории, это устоявшийся контекст, в рамках которого значение обретает определенную устойчивость для того или иного термина (языкового выражения). Согласно терминологии «региональных онтологий», последние применительно к тем или иным культурным и социальным образованиям выступают в качестве своеобразного семантического фрейма, в котором то или иное понятие (термин, языковое выражение) меняет свое значение. Поэтому есть очень большой потенциал у исследований, строящихся на взаимодействии культурологии, cultural studies и терминологии (как науки и практики). Такого рода концептуальное сотрудничество позволяет рассматривать культуру (культуры) в феноменальном и понятийном измерении.

А. К. И. Забулионите. Но эмпирическое составляющее по-разному вовлекается в разные концепты культуры, за которыми всегда стоят философские субструктуры. Говорить о научных концептах вне философских субструктур (к какой бы научной программе она ни принадлежала) — это не понимать их содержательного различия. Если я правильно поняла, Вы не предлагаете взамен научным программам коммуникативные стратегии. Или Вы все же говорите о новой парадигме культурологии?

И. Б. Ардашкин. Конечно, я не говорю о понятиях вне философских предпосылок, я говорю о методологии. Когда Вы говорите об органицизме и целостности, речь идет не о методологии, речь идет, с моей точки зрения, о принципах познания. Следовательно, для нас это является некой границей, некой ценностью, которой мы придерживаемся. А вопрос, как мы достигаем, — другой вопрос, и, опять-таки, как я могу на таком категориальном уровне это понять? Возьмем, допустим, опять категории в вопросах терминологии. Мы о категориях говорим в определенном смысле: в смысле категорий Аристотеля, И. Канта, Г. В. Ф. Гегеля, Б. Рассела или П. Сартра, а не о категориях вообще.

В данной ситуации я вижу в этом методологию, то есть способ. Для меня целостность (продолжу образ Б. И. Липского) [7, с. 173–174] — монолит атома, но надо добавить, как атомы существуют и в каком ландшафте. Они же сталкиваются друг с другом и постоянно обмени-

ваются своими микрочастицами. Собственно, это и есть хороший пример того, как культура, точнее монолиты, существуют: то есть, пока сосуществуют друг с другом, у них есть возможность развиваться, быть организмом, а как только они эту возможность утрачивают, они умирают.

А. К. И. Забулионите. Поставив вопрос о том, как теоретически смоделировать коммуникацию, связанную с профессиональной терминологией, Игорь Борисович, конечно, обратил внимание на очень непростой и принципиально важный аспект науки, в том числе и науки о культурах. Он также справедливо отметил, что в самой европейской мысли были предприняты усилия преодолеть европоцентризм, и мы говорим об этом категориями европейскими. Даже прилагая всевозможные герменевтические усилия, «вживаясь» в другие культуры, как бы мы ни хотели отделаться от своей картины мира, от себя не уйти. То есть речь не об идеологическом европоцентризме, но о гносеологическом. И это проблема не только европейской цивилизации: в каждой цивилизации научное сообщество конструирует свои дискурсы изучения европейской, китайской, индийской, африканской и других культур и цивилизаций. То есть культурологические дискурсы неизбежно отличаются в разных цивилизациях. Этот вопрос, конечно, не новый, уже давно и в российской, и в европейской интеллектуальной традиции (Н. Я. Данилевский, и О. Шпенглер, и А. Тойнби и другие) начинали формироваться представления о локальных системах: причем не только как онтологические постулаты об уникальности культуры и не только как методологические принципы ее познания, но также и как разные образы самой науки о культурах. Следовательно, вряд ли стоит надеяться, что возможно создать, хотя бы в отдаленном будущем, науку о культуре, оперирующую некими универсалиями. То есть вопрос профессиональной терминологии — это вопрос не просто о коммуникации культур/цивилизаций, как они контактируют. Речь с тех пор, видимо, следует вести о профессиональной терминологии, например, терминологии, формирующейся в культурологических дискурсах российской науки о культуре (дискурсах китаеведения, индологии, африканистики или этнокультуры), но также и о терминологии в профессиональной коммуникации между

разными научными сообществами — науке о культуре, которая складывается в Китае, Индии, России, в Европе или других цивилизациях.

С расширением научных межкультурных контактов многомерность проблем научной терминологии будет только нарастать. Науке о культуре придется это учитывать и научиться с этим работать. Актуальность этой проблематики сегодня, по мере расширения международных научных контактов российского культурологического научного сообщества, нам становится все более очевидной. Как известно, уже сегодня мы сталкиваемся с проблемой перевода. Речь идет прежде всего не о переводах внутри одной цивилизации, например, о переводе на русский язык с немецкого, французского, испанского, английского и других (или наоборот), но о переводах межкультурных. Например, сегодня мы сталкиваемся с серьезными трудностями в переводах терминологии научной статьи с китайского на русский и с русского на китайский. Как перевести не слова, а смыслы, которые есть в одной цивилизации и нет в другой? Ведь отличается не только научная терминология, существенно отличаются филологическое знание, сложившееся, например, в китайской или индийской цивилизации, от той традиции, которая берет свой исток в Древней Греции. В. Н. Бадмаев сегодня не случайно обратил внимание на то, что западный тип философствования не может быть единственным, что в последние десятилетия формируется межкультурная философия как новое направление, предполагающее трансформацию философии, исходя из принципа «когнитивной скромности» [3, с. 154].

Наконец, думая о проблематике профессиональной терминологии есть один весьма важный момент, который или не был сегодня отмечен, или он еще в принципе не учтен в ее теориях. Ведь наука есть один из феноменов культуры, и понятие науки укоренено в метафизике культуры (в ее картине мира). Феномен европейской науки, как она сложилась в результате научной революции Нового времени, отличается от античной или средневековой (есть множество исследований на эту тему), и тем более он отличается от феномена науки, сложившегося, например, в китайской цивилизации [8]. А если наука укоренена в метафизике конкретной цивилизации, то следует определять не просто отдельные научные термины, ибо термины и понятие науки — они все укоренены в уникальной картине мира, прорастают из метафизики уникальной культуры/цивилизации. То есть

проблематика культурологии — целостность культуры — как исток смыслов, значений становится весьма важным измерением в проблематике профессиональной терминологии.

Е. В. Барнашова. Вопрос о своеобразии, об уникальности отдельных культур, конечно, обретает особую и возрастающую актуальность в ситуации современного мира. У каждой культуры, говоря словами греков, есть своя мера, сложившаяся веками. Все мы согласны в том, что современная культурология должна выработать такой категориальный аппарат, инструментарий, который бы позволил схватывать, отражать и осмыслять эту уникальность и целостность культуры во всей сложности и динамизме. Это необходимо не только с практической точки зрения межкультурной коммуникации в современном гибридном мире, но и с точки зрения такой глобальной общечеловеческой стратегии, как сохранение уникального опыта каждой отдельной культуры в проявлении творческого самоутверждения человека и его выживания в тех или иных природных и социально-исторических условиях.

Сравнивая разные научные стратегии в культурологии — системный подход и органицизм, нельзя не признать, что восприятие культуры как системы уступает более гибкому и многомерному прочтению ее как сложного организма. Организма, в котором целое не сводится к сумме отдельных частей, где все диалектично переплетено, одно не может существовать без другого, где все процессы взаимосвязаны, перетекают друг в друга. Способность схватывать этот континуум в его сложности и уникальности должна лежать в основе развития современного культурологического знания.

В то же время во многих сегодняшних выступлениях речь идет не столько о взаимоисключении, сколько о дополнительности двух подходов: системного и органицизма. Их можно воспринимать как разные этапы, ступени восхождения к постижению такого сложного феномена, как культура. Сложность действительно удивительная (мы чувствуем это), иногда даже возникает ощущение, что невозможно договориться представителям Востока и Запада, отдельных этносов, отдельных регионов. В гносеологической перспективе эта сложность предмета исследования, вероятно, потребует новых подходов и мето-

дологий, которые дополняют системный подход и органицизм и снимают остроту полемики между ними.

Сама эта полемика двух рассматриваемых подходов к изучению культуры позволяет вспомнить о ситуации в понимании природы в XIX столетии, когда преодолевался механистический материализм и осваивалась специфика другого, более сложно организованного уровня материи — органического, на котором, собственно, начинается жизнь. Новый взгляд на природу давал мощный импульс развитию естественных наук: появление науки биологии, открытия Ж.-Б. Ламарка, Ж. Сент-Илера, Ж. Кювье, Ч. Дарвина, Л. Пастера. Биологические идеи оказывали влияние на философскую мысль: антропологию Л. Фейербаха, социологию Г. Спенсера, эстетику И. Тэна, находили отражение в художественной практике реализма и натурализма. Один из крупнейших мастеров реализма О. Бальзак писал в предисловии к своей «Человеческой комедии», что идея этого произведения родилась из сравнения человечества с миром животных. Появляются «физиологические очерки», «экспериментальные романы». В категориях организма мыслится и описывается все: общество, человек, культура. Этот биологический редукционизм и позитивистские крайности были неизбежны, поскольку ещё не были освоены более высокие уровни — социальный, психический, культурный. Дальше будет долгий путь развития социальных наук, психологии, философии, культурологии, путь отделения ноосферы от биосферы.

Хочется обратить внимание еще на один момент. Поиск целостности (и тоска о целостности) проступает не только в философских концепциях от натурфилософии И. В. Гете до современных холицистских теорий, но и в обращении философии к образному мышлению. Волны кризисов рационализма порождали образный, близкий к художественности стиль мышления и изложения в философии и науке. Он присущ философам эпохи романтизма (Ф. Шеллинг, Новалис, А. Шопенгауэр), эстетствующим рефлексиям С. Кьеркегора, «философии жизни» Ф. Ницше, русской философии Серебряного века («всеединство», София у В. Соловьева). Актуализация художественного (образного) мышления в эпоху головокружительного научно-технического прогресса — особая тема, но здесь важно вспомнить ее в связи с поиском целостности культуры во всей ее цветущей сложности. Я бы не стала с легкостью отбрасывать образ как что-то совершенно далекое

от науки и неприемлемое и обратила бы внимание на его гносеологический потенциал. Образ, в отличие от абстрактного понятия, имеет дело не с чистой сущностью, но представляет ее в конкретном явлении, не схематизирует предмет, не абстрагируется от его уникальных индивидуальных форм, а дает его во всем своеобразии проявления замысла в конкретном воплощении, схватывает его континуум — и в этом смысле обнаруживает выразительность и уникальность каждого предмета. В нашем случае — выразительность и уникальность каждой культуры. То есть я бы включила еще категорию выразительности для определения уникального выражения в каждой культуре — со всем комплексом климатических, природных и прочих особенностей ее формирования — возможностей выживания и творческого самодтверждения человека.

Органицизм обращается к образному восприятию. Ведь само видение культуры как организма — это уже образ, латентная метафора. Не случайно у О. Шпенглера каждая культура проясняется через прообраз, «душу». И не случайно рассмотрение отдельных культур неизбежно приводит к ключевому вопросу о картине мира, то есть к изначальному образу, воплощенному в мифе. Но в данном случае я говорю не о возвращении к мифу и даже не о лежащей в основе культуры картине мира, но об образе самой культуры, то есть о культуре, воспринимаемой как целостный образ. В свете таких рассуждений, гетеманская линия, которую актуализировал Ю. Н. Солонин в российской культурологии, мне представляется чрезвычайно интересной и продуктивной для разработки культурологических дискуссий.

Л. М. Мосолова. Мне представляется, очень хорошо, что мы обратились и обратились к проблематике, которая была заявлена Ю. Н. Солониным. Юрий Никифорович Солонин — золотое время на факультете философии СПбГУ, он как никто другой организовал множество культурологических исследований, форумов, самых разных встреч, выпестовал огромное количество кадров культурологов. Мы сегодня говорим на разных уровнях об одной и той же проблеме: и на уровне философии, и на уровне культурологии, и конкретных наук, и эмпирического опыта. Это всё, так сказать, разные аспекты этой проблемы. Ю. Н. Солонин работал прежде всего в области философии культуры и философии науки, и поэтому, наверно, концепции нужно

различать по уровням: одно дело — философия культуры и философия науки, совсем другое дело — культурология, работающая уже на среднем, не философском уровне. Культурология — это не философия культуры, совершенно другое дело — конкретные исследования частных наук. Мы иногда всё это смешиваем, а на самом деле о Ю. Н. Солонине надо говорить, строго исходя из того, что он сделал в философии культуры и философии науки, в логике — тут у него колоссальные завоевания, а мы об этом сегодня как-то не очень говорили. О его методе и концепции.

А. К. И. Забулионите. Смешивать, конечно, нельзя. Но изолировать культурологию от уровня философского знания, не замечать и не обсуждать философского компонента в дисциплинарности культурологии — это была бы опасная тенденция прежде всего для культурологии. Вопросы философского ранга, которые обозначил Ю. Н. Солонин и в своих исследованиях, и в полемике с М. С. Каганом, для культурологии трудно переоценить. Сверхзадачей дискуссии 90-х годов и было обратить внимание на компоненты философского знания — и философии культуры, и философии науки и логики — на то, как культурологами все уровни философского знания участвуют в организации дисциплинарности науки о культуре, ибо понимание этого и определяет логическую культуру исследователя. Поэтому и сегодня, выдвинув на обсуждение тему дисциплинарности, обращаясь к полемике, которую Ю. Н. Солонин инициировал, мы собрались не только почтить его память, но и актуализировать фундаментальные вопросы науки о культуре, которые были им поставлены, и размышляем о развитии того направления, которое было задано им как ученым.

Л. М. Мосолова. Но я не вижу особого развития его мысли пока. У него очень мало книг, он школу не создал. А постановка вопросов — гениальная, у него действительно своя методологическая программа, это всё верно. Хотелось бы, конечно, чтобы в дальнейшем его исследовали соратники.

А. К. И. Забулионите. Постараюсь ответить Любви Михайловне и подвести некоторые итоги нашего круглого стола. Относительно

школы и развития мысли. Не буду спорить по вопросу о том, создал ли школу целостности Ю. Н. Солонин, о которой он думал, но учеников, развивающих это направление, он оставил. Кроме меня сегодня здесь присутствует А. Г. Тишкина, и мы не единственные. Следует, наверное, отметить и то, что ученики Ю. Н. Солонина очень разные, не похожие друг на друга. Почему так? Как мне представляется из личного опыта, это определялось какой-то особой манерой общения Ю. Н. Солонина с учениками, общения на равных: он оставлял полную свободу, не давая советов и не предлагая путей поисков. Наверно, справедливо было бы сказать, что такая манера была присуща не только Ю. Н. Солонину, но и самой философии, не признающей аргумента «от авторитета». Отсюда множество примеров из истории философской мысли — какими непохожими могут быть ученики: Платон был учеником Сократа, Аристотель — учеником Платона, Э. Кассирер — Г. Когана, М. Хайдеггер — Э. Гуссерля... Быть учеником — это перенять манеру мысли и постановку вопросов при полной самостоятельности и свободе мысли. В этом смысле я и понимаю продолжение и развитие мысли Ю. Н. Солонина, пытаюсь развивать органицизм, гетеанскую линию, привлекая потенциал философской феноменологии, гуссерлевскую теорию региональных онтологий. В этом я вижу возможность продвинуться дальше в разработке гетеанской линии, проблематики метафизики культуры — того уровня, который О. Шпенглер называл уникальной «душой культуры» и выражал содержательно разными прообразами. Разумеется, продвижение в фундаментальной проблематике — дело непростое и неторопливое.

Если говорить о подведении итогов нашего круглого стола, то вряд ли слово «итог» подходит к открытой и поисковой мысли нашего обсуждения. Многие участники нашего круглого стола обратились к одному из самых дискутируемых вопросов в современном гуманитарном дискурсе: как понятийно выразить культурное разнообразие, уникальность культур. В полемике 90-х годов прошлого века и М. С. Каган, и Ю. Н. Солонин, исходя из тезиса о целостности культуры, по-разному понимали вопрос онтологии культуры. Возродив на проблемном поле культурологии две научные программы, конкурирующие еще с конца XVIII века, тем самым они и заложили две конкурирующие, но дополнительные линии российской культурологии. Однако в нашем обсуждении вопрос *как* надо понимать эту дополнитель-

ность двух альтернативных научных программ ответа не получил: мы дискутировали о том, являются ли эти научные программы/концепты очень близкими (или даже этапами одного пути развития) или же это принципиально разные способы построения базового понятия «культуры».

В разных выступлениях сегодня прозвучал вопрос о понятии культуры: «коренная культура», веньхуа, культура в африканском представлении и другие. Следует отметить, что этот изначальный вопрос науки о культуре сегодня обретает вполне конкретный смысл: он затрагивает сами основания культурологии, достигая ее онтологического уровня и снова заставляет внимательно присмотреться к базовым понятиям: что является предметом познания культурологии не в терминологическом, а в онтолого-объектном значении? Ответить на этот вопрос, поставленный в свое время Ю. Н. Солониным [9, с. 215], без обращения к философскому знанию скорее всего не получится.

Принципиально затрагивались и важные гносеологические вопросы науки о культуре. Poleмику вызвал вопрос об универсалиях культуры: способны ли они выразить по-разному организованные картины мира уникальных культур и цивилизаций? Могут ли универсалии служить таксономической единицей специфически структурирующей Всемирную историю и универсум культур и цивилизаций? Ставя вопрос об универсалиях культуры и их возможности познать уникальность культур и цивилизаций, сослаться на авторитета (напр., В. С. Степина, имя которого сегодня не раз звучало) недостаточно. Очевидно, что вопрос об универсалиях сегодня требует большей ясности: что такое есть универсалия культуры, возможно ли с ее помощью познать уникальность? Или она познает то, что является общим для всех, а индивидуальные аспекты остаются за пределами ее эвристических возможностей? До каких глубин проникновения в сущность и достижения уровней обобщения доходит исследователь, а что есть индивидуально несводимое в таком познании? Это и есть вопрос о рамках эвристической возможности универсалий. Наконец, что такое есть процедура «индивидуализирующей генерализации», предложенная Э. С. Маркаряном? Что есть общий знаменатель в такой генерализации? Как и откуда мы его получаем? И что представляет собой сама процедура индивидуализации, как она проводится в конкретном ис-

следовании? На эти вопросы сегодня также не удалось получить ясные ответы. А в то же время, следует подчеркнуть, что вопросы гносеологии и логики, последовательного алгоритма культурологического познания — не праздные: культурология как наука обязана рефлексировать над собственной методологией познания. Именно на эти вопросы методологической рефлексии Ю. Н. Солонин обратил особое внимание, посвятив анализу методологического кризиса и его оснований ряд основательных исследований [9].

На круглом столе была обозначена также тема диалога культур. Однако при всей актуальности исследования проблематики диалога, приходится признать, что вопросы концептуального моделирования диалога сегодня остаются не разработанными. Отчасти они были обозначены в трудах Ю. М. Лотмана (необходимость двух типологий в описании межкультурной коммуникации), но и ныне они ждут дальнейшего фундаментального осмысления и развития. Только прояснив вопрос о конкретном концептуальном выражении диалога, можно ставить вопрос: как в нем обеспечивается понимание, как решаются логико-философские, лингво-психологические и теоретико-познавательные задачи, связанные с эффективной организацией коммуникативных процессов, обеспечивающие понимание, меру переводимости или непереводимости в диалоге уникальных культур и цивилизаций. Таким образом, вопросы диалога снова отсылают нас к фундаментальным вопросам культурологии.

Весьма интересно в контексте обсуждаемых проблем на круглом столе была обозначена проблематика профессиональной терминологии в науке о культуре. Представляется, что она может оказаться актуальной в разных направлениях: как в ситуации межкультурной профессиональной коммуникации, так и в российской науке о культурах, формируя ее общее интеллектуальное пространство коммуникации разных дискурсов: индологии, китаеведения, арабистики, африканистики, а также культурологических дискурсов этнокультур. Участники сегодняшнего диспута обратили внимание на разные аспекты этой проблемы (в области философского знания — принцип «когнитивной скромности», в науке — теории терминологического планирования). Это важная и еще весьма мало исследованная область науки о культуре.

На круглом столе был поставлен вопрос о дополнительности двух классических парадигм российской культурологии и перспективных зарубежных исследований глобальной культуры в cultural studies, обратившихся к исследованию «третьей реальности» и современных процессов культурологеза.

Конечно, многое осталось невысказанным участниками круглого стола, тем не менее, мне представляется, что наше обсуждение получилось весьма плодотворным. В обсуждении были затронуты самые разные аспекты дисциплинарности культурологии, вопросы понятийного аппарата науки о культуре, мы увидели проблемы там, где, казалось бы, все очевидно и не вызывало сомнений. Нам удалось зафиксировать новые проблемные поля, проблематизировать ряд сюжетов, которые в культурологии воспринимались как само собой разумеющиеся. Поэтому, завершая, позвольте поблагодарить всех участников нашего диспута и выразить надежду, что он будет иметь продолжение.

Список источников

1. Актуальность полемики Ю. Н. Солонина и М. С. Кагана. Фундаментальные основания российской культурологии (посвящается памяти проф. Ю. Н. Солонина, к 80-летию со дня рождения). Материалы круглого стола в рамках третьего Санкт-Петербургского международного культурологического симпозиума (20 ноября 2021 года). Ч. 3 / А. К. И. Забулионите (науч. ред.), И. Б. Ардашкин, В. Н. Бадмаев и др. // Человек. Культура. Образование. 2023. № 2. С. 152–188. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2023-2-152>
2. Философия науки, философия культуры, культурология: взаимный интерес // Логико-философские штудии. 2015. № 13. С. 157–166.
3. Актуальность полемики Ю. Н. Солонина и М. С. Кагана. Фундаментальные основания российской культурологии (посвящается памяти проф. Ю. Н. Солонина, к 80-летию со дня рождения). Ч. 1 / Забулионите А. К. И., Ардашкин И. Б., Бадмаев В. Н. и др.; под. ред. А. К. И. Забулионите // Человек. Культура. Образование. 2022. № 4 (46). С. 145–183. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2022-4-145>
4. Wuster E. Introduction to the General Theory of Terminology and Terminological Lexicography. Springer, Wien, 1979. 176 p.
5. Cabré Castellví M.T. Theories of terminology. Their description, prescription and explanation // Terminology. 2003. № 9 (2). P. 163–199.
6. Faber P. Frame as framework for terminology // Handbook of Terminology. 2015. Vol. 1. P. 14–33.

7. Актуальность полемики Ю. Н. Солонина и М. С. Кагана. Фундаментальные основания российской культурологии (посвящается памяти проф. Ю. Н. Солонина, к 80-летию со дня рождения). Материалы круглого стола в рамках третьего Санкт-Петербургского международного культурологического симпозиума (20 ноября 2021 года). Ч. 2 / А. К. И. Забулионите (науч. ред.), И. Б. Ардашкин, В. Н. Бадмаев и др. // Человек. Культура. Образование. 2023. № 1. С. 160–187.
8. Духовная культура Китая: Энциклопедия в 6 томах / М. Л. Титаренко, А. И. Кобзев, А. Е. Лукьянов. М.: «Восточная литература» РАН, 2006–2009. Т. 5. Наука, техническая и военная мысль, здравоохранение и образование.
9. Солонин Ю. Н. Методологические проблемы изучения культуры (от системного подхода к целостному) // Солонин Ю. Н. Целостность гуманитарного знания. СПб.: Наука, 2015. С. 192–224.

References

1. Relevance of Yu. N. Solonin and M. S. Kagan Polemics. Fundamentals of Russian Culturology (dedicated to the 80th Anniversary of Professor Yu. N. Solonin). The Roundtable Discussion Proceedings in the Framework of the Third Saint Petersburg International Culture-Studies Symposium (November 20, 2021). Part 3. A. K. I. Zabulionite (academic ed.), I. B. Ardashkin, V. N. Badmaev and others. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie = Human. Culture. Education*. 2023; 2:152–188. (In Russ.) <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2023-2-152>
2. Philosophy of science, philosophy of culture, cultural studies: mutual interest. *Logiko-filosofskiye shtudii* [Logical and philosophical studies], 2015, no 13, pp. 157–166. (In Russ.)
3. Relevance of Yu. N. Solonin and M. S. Kagan Polemics. Fundamentals of Russian Culturology (dedicated to the 80th Anniversary of Professor Yu. N. Solonin). The Roundtable Discussion Proceedings in the Framework of the Third Saint Petersburg International Culture-Studies Symposium (November 20, 2021). Part 1 / A. K. I. Zabulionite (academic ed.), I. B. Ardashkin, V. N. Badmaev and others. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie = Human. Culture. Education*. 2022; 4:145–183 (In Russ.). <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2022-4-145>
4. Wuster E. Introduction to the General Theory of Terminology and Terminological Lexicography. Springer, Wien, 1979. 176 p.
5. Cabré Castellví M. T. Theories of terminology. Their description, prescription and explanation. *Terminology*, 2003, no 9 (2), pp. 163–199.
6. Faber P. Frame as framework for terminology. *Handbook of Terminology*, 2015, vol. 1, pp. 14–33.
7. Relevance of Yu. N. Solonin and M. S. Kagan Polemics. Fundamentals of Russian Culturology (dedicated to the 80th Anniversary of Professor Yu. N. Solonin).

The Roundtable Discussion Proceedings in the Framework of the Third Saint Petersburg International Culture-Studies Symposium (November 20, 2021). Part 2. A. K. I. Zabulionite (academic ed.), I. B. Ardashkin, V. N. Badmaev and others. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie = Human. Culture. Education*. 2023; 1:160–187 (In Russ.). <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2023-1-160>

8. *Dukhovnaya kul'tura Kitaya: Entsiklopediya v 6 tomakh* [Spiritual culture of China: Encyclopedia in 6 volumes] / Titarenko M. L., Kobzev A. I., Lukyanov A. E. Moscow: Eastern Literature RAS, 2006–2009. Vol. 5. Science, technical and military thought, health care and education. (In Russ.).

9. Solonin Yu. N. Methodological problems of studying culture (from a systematic approach to a holistic one). Solonin Yu. N. *Tselostnost' gumanitarnogo znaniya* [The integrity of humanitarian knowledge]. St. Petersburg: Nauka, 2015, pp. 192–224. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию / The article was submitted	13.05.2023
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing	19.06.2023
Принята к публикации / Accepted for publication	21.06.2023